УДК 141.319.8:330.101.5
DOI https://doi.org/10.32841/2707-0018.2019.18.9

Леонтьева В. Н.,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии, культурологии и информационной деятельности
Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ»

Анотація. У статті обґрунтовано актуальність дослідження антропологічних контекстів економічних поглядів, насамперед «економічних онтологій». Показано, що репрезентоване сукупністю теоретичних моделей економічне буття завжди занурене у певний антропологічний контекст, який часто вимагає не просто виявлення, а й реконструкції: економічне життя суспільства є таким, яким його робить (підтримує, розвиває/примитивізує) людина з певним рівнем освіти, з визначеністю чи невизначеністю своїх потреб та очікувань, зі своїми віруваннями й переконаннями, знаннями й помилками, звичками й навичками, цінностями та ідеалами, а також певною мірою артикульованими уявленнями про саму себе. Через це «за» будь-якою системою економічних категорій (або економічною моделлю), вірніше, як би «між» нею та реальністю економічного буття, контекстуально є присутній своєрідний, певною мірою концептуалізований, образ «економічної людини», або ширше – «людини культури». Автором запропоновано визначення *антропологічних контекстів «економічних онтологій»* як сукупності імпліцитних і явних, але завжди таких, що належать до певного культурного поля, антропологічних смислів – уявлень про «людське», «притаманне людині» та «те, що стосується людини», які існують у взаємозв'язку один з одним, є за своєю природою екзистенційними та у людській економічній діяльності опосередкують те, що суб'єктивно усвідомлюється як *бажане*, і те, що є об'єктивно *дійсним* – закономірним (чому, власне, і присвячено всю економічну науку). Функціональне призначення антропологічних контекстів полягає в тому, щоб бути своєрідною «буферною зоною» між власне об'єктивним економічним буттям і тією *картиною економічного світу*, яка претендує на статус «економічної онтології». Як приклад, автором контурно окреслено антропологічні контексти деяких економічних теорій класичного типу (Марксової політичної економії та концепції економічної реформи 1965 р. О.Г. Лібермана). Визначено значущість виявлення/реконструкції антропологічних контекстів для встановлення міри зв'язку економічної теорії з економічною реальністю: розуміння антропологічних контекстів та оцінка їх концептуальної переконливості виявляється немаловажною умовою розкриття евристичних можливостей економічної теорії – її пояснювальної сили і прогностичного потенціалу, які проявляються залежно від того, наскільки така система економічних поглядів та її онтологічні підстави адекватні сучасній їм сукупності антропологічних смислів, тобто від того, наскільки когерентні «економічні онтології» та їхні антропологічні контексти.

Ключові слова: людина, реальність, смисл, теорія, економічне буття, антропологічні контексти, економічна онтологія, праця, відчуження, потреба.

Постановка проблемы. Обращение к теме, одновременно принадлежащей к предметным полям философской антропологии и философии экономики, продиктовано, во-первых, тем, что внутри корпуса экономического знания не ослабевает интерес к «созданию онтологий» (своё ви́дение причин этого я высказала на Либермановских чтениях-2015 [1]) при увеличивающемся разбросе значений понятия «*экономическая онтология»* (см. работы О.И. Ананьина, Г.И. Башнянина, И.А. Болдырева, О.Б. Кошовец, С.Д. Мезенцева, Е.О. Стрижак, А.И. Суббето, А.С. Филипенко, Н.И. Фокина, Ю.В. Хазовой и др.); во-вторых, тем, что в логике историко-философского процесса (в которой до известных пределов репрезентирована и логика цивилизационного развития) закономерна тенденция нарастания *антропологизации* философского знания, как закрепление углубляющегося понимания универсальности «проблемы человека» и, соответственно, *антропологического измерения* в онтологических представлениях вообще (ставший хрестоматийным пример: фундаментальная онтология М. Хайдеггера), это позволило предположить правомерность аналогичной рефлексии *и* в философии экономики. Актуальность темы усиливается тем, что среди причин продолжающегося системного кризиса современного «цивилизованного мира», болезненно переживаемого и нашим обществом, нельзя не увидеть дефицит экономического мышления, ***не*** *пренебрегающего реальностью* (П. Бауэр [2]): из огромного количества дипломированных экономистов далеко не все способны адекватно отвечать на не прекращающиеся исторические вызовы.

Анализ последних исследований и публикаций. Поскольку общепринятый подход к определению *экономической онтологии* до сих пор находится в стадии становления [см., н-р: 3] и концептуальные построения, именуемые «экономическими онтологиями», представляют собой лишь более или менее удачные интерпретации онтологических проблем экономического знания, постольку вопрос о том, признавать ли «экономическую онтологию» неким единым «мировоззренческим, философским фундаментом экономического знания» (и, одновременно (!) «частным случаем социальной онтологии») (И.А. Болдырев [см.: 4, с. 103]) или закреплять за ней роль одного из структурных элементов философии экономики наряду с экономической гносеологией, экономической аксиологией, экономической праксиологией и экономической феноменологией (см.: С.Д. Мезенцев [5, с. 12], А.И. Суббето [6]), этот вопрос продолжает оставаться открытым.

Во многих работах сами экономисты определяют *экономическую онтологию*, которой отводится «центральное место при познании экономической действительности» [7, с. 51], «не как учение об экономическом мире как таковом, а как его

репрезентация в научных теориях и моделях» [см., н-р: 8]. И хотя, как известно, *о словах спорить не умно*, такое противопоставление («учение» – «репрезентация») вызывает некоторое недоумение: ведь «репрезентация» чего-либо «в теориях и моделях» по определению и есть не что иное, как *учение* об этом чём-либо, в том числе и об экономическом бытии: важно, не пренебрегается ли в этих репрезентациях реальностью, т.е. насколько в них действительно представлено экономическое бытие. Справедливости ради необходимо указать на в целом удачную, на мой взгляд, попытку О.Б. Кошовец, И.Э. Фролова и А.В. Чусова теоретически обосновать «неотменимый оптический «зазор» между реальностью теории и объектной реальностью, обусловленный ограниченностью имеющихся научных практик»: этим действительно можно объяснить «возникновение «неистинных» (но логически возможных) теоретических миров, особенно в тех формах знаний, функционирование которых многократно опосредовано и удалённо от повседневности. Это как раз в полной мере относится к «ортодоксальному мейнстриму» [3, с. 170] (О.Б. Кошовец впоследствии развила эту мысль, показав, каким именно образом теория, описывая экономическую реальность, тем не менее, не в состоянии ни предвидеть, ни тем более предотвратить кризис [9]), что, видимо, и имел в виду экономист с мировым именем Питер Бауэр, ещё в 1987 году написавший: «Повсеместное и *необъяснимое* (выделено мною. – *В.Л.*) игнорирование реальности играет существенную роль. Оно подорвало также стандарты экономической теории...» [2].

Формирование целей статьи. В связи с изложенным представляется некой нормальностью разброс оценок роли и значимости *антропологического измерения* в «экономических онтологиях», тем более, что последние либо вовсе не содержат концепт «*антропологическое*», либо отсылают к нему преимущественно как к имплицитному: он исследуется «параллельно» в т.н. «поведенческой экономике» (пока не заявившей о своём «онтологическом» статусе) в виде категории «экономическое поведение» [см.: 10; 11 и др.]. Поэтому в данной статье речь пойдёт только лишь об антропологических *контекстах* (не аспектах, не ракурсах, не элементах, собственно, целью и является определение «антропологических контекстов «экономических онтологий») и их обязательности *для любой* экономической теории.

Изложение основного материала исследования. Спецификой экономического бытия, в отличие от *бытия как бытия* (др.-греч.“φυήφυ”) – самодостаточного объекта познания, внешнего по отношению к человеческому сознанию (а долгое время, *до* Хайдеггера, считалось, и к самому человеку), является его принципиальная, неустранимая рукотворность, генетическая и каузальная связь с целесообразностью/иррациональностью человеческой деятельности – созидательной и/или деструктивной. Поэтому, создавая экономические теории и математические модели экономических процессов, человек познаёт (описывает, объясняет, интерпретирует) источники, предпосылки и результаты, а также закономерности и формы человеческих же усилий/действий, т.е. представленное в виде совокупности теоретических моделей экономическое бытие изначально погружено в некий антропологический контекст. Имеется в виду не «социокультурная обусловленность» экономического знания и историческая изменчивость его предмета (понятно, что в эпоху, например, Адама Смита не могло появиться, например, кейнсианство), а то, что сам исследуемый/упорядочиваемый экономической онтологией «бытийный» материал эмпирически неразрывно связан с производящим/потребляющим его человеком; но предлагаемое мною коренным образом отличается от осознанного введения в «экономические онтологии» тех онтических компонент, которые «обусловлены общественными практиками, которые с необходимостью включают как тела индивидов, так и внешние к ним подручные субъекту объекты мира» [3, с. 169]. Экономическая жизнь общества такова, «и больше ни какова», потому что таков – «и больше ни каков» – участвующий в ней, созидающий/поддерживающий/разрушающий её человек с его верованиями и знаниями, потребностями и ожиданиями, убеждениями и заблуждениями, навыками и умениями, ценностями и идеалами, а также *представлениями о самом себе.* Это, во-первых.

Можно сказать, экономическое бытие и пронизано, и окружено – и потому необходимо ограничено! – антропологическими смыслами, то есть теми референциями «человеческого», «присущего человеку» и «относимого к человеку», которые бытуют в связности друг с другом, которые вписаны в некое общее культурное (ценностно-смысловое) поле и «по природе» своей экзистенциальны. Формирование этой совокупности антропологических смыслов, как части культурного поля *любой* производяще-воспроизводящей деятельности, происходит двояким образом: они возникают и в результате усилий стихийной саморефлексии человека, вовлечённого в экономическую жизнь общества, и как продукт целенаправленной духовно-интеллектуальной деятельности исследователей и идеологов, образуя тот контекстуальный слой, который можно уподобить своеобразной «буферной зоне» между объективными экономическими процессами и той «картиной экономического мира», которая претендует на статус экономической онтологии. Удивительным образом, но даже при явном отсутствии такой «антропологической обёртки», чем грешат и макро-, и микроэкономические модели (так, И.А. Болдырев указывает, что, например, «Р. Коуз «с негодованием» писал о том, что в стандартной экономической теории потребитель – это набор предпочтений, фирма – кривые издержек, а обмен происходит в институциональном вакууме. Поэтому, говорит Коуз, мы получаем индивидов без человеческих свойств, фирмы без внутренней организации и обмен без рынков» [4, с. 111]), любая экономическая онтология имеет свои, порождённые современной ей культурой, антропологические контексты. Т.е., во-вторых, речь идёт о том, что «*за*» той или иной системой экономических категорий (или экономической моделью), вернее, как бы «между» таковой и реальностью экономического бытия контекстуально присутствует некий, более или менее артикулированный (концептуализированный) образ «экономического человека», либо, шире, «человека культуры», и именно благодаря этому данная система категорий (модель) имеет возможность обрести статус полновесной экономической онтологии. Более того, целесообразно признать множественность антропологических контекстов, поскольку, возникая в разных субкультурных пространствах, они испытывают воздействие разнокачественных факторов (демографии, этно-национальных традиций, особенностей поддержания общественного порядка/государственного строя, состояний систем образования и здравоохранения, нравственного климата в социуме и т.п.) и, зачастую, влияние разновекторных идеологий.

Попробую контурно очертить антропологические контексты некоторых (выбор произволен) систем экономического знания и проследить влияние этих контекстов на связь экономических онтологий с экономической реальностью и рискну также указать характерные антропологические концептуализации, которые, на мой взгляд, заслуживают рассмотрения в роли антропологических контекстов «экономических онтологий».

Так, экономическая теория К. Маркса (политэкономия капитализма) была, в целом, погружена в общий антропологический контекст образа человека-носителя рабочей силы и одновременно просвещенческого гуманистического идеала, стягиваемого в смысловое единство признанием высшими ценностями личной свободы (прежде всего в труде и творчестве) и равенства (прежде всего «в правах на…») атомарных индивидов. Взаимная дополнительность этих, по сути, противоположных друг другу смыслов (как и указанных ценностей: если постулируется равенство, то как возможна индивидуальная свобода, мера которой также индивидуальна?) внутри Марксовой теории не была отрефлексирована, что отнюдь не помешало немецкому мыслителю «раскрыть тайну прибавочной стоимости», создать учение об «освобождении труда» и теоретически показать перспективу преодоления отчуждения при условии установления общественной собственности на средства производства и смены типа экономического базиса. Однако коммунистический идеал *всесторонне развитой личности* (и вместе с ним идеал *справедливого социального устройства,* где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех») как антропологический контекст попыток создать «политическую экономию социализма» оказался утопичным и непригодным для удержания в *понятном* смысловом единстве тех же – марксовых – категорий, описывающих как бы уже иные – «социалистические» – производственные отношения. То, что «новое экономическое бытие» и индустриальный тип экономики создавались отнюдь не только «равными в своих правах свободными *индивидами*», для которых труд якобы становился «главной потребностью», а во многом благодаря подневольному труду (фактически внеэкономической эксплуатации) огромных *масс* людей, оказывающихся в местах лишения свободы, в лагерях, это официальной советской экономической наукой не обсуждалось (и не преподавалось). А феномен отчуждения, который «по идее» должен был исчезнуть вместе с частной собственностью, не только продолжал иметь место, но «обогащался» новыми, не известными в марксову эпоху формами…

Осмысление отчуждения как устойчивой бытийной характеристики не только процесса наёмного труда в условиях интенсифицирующихся механизации и автоматизации производства, но квинтэссенции человеческого бытия в «дегуманизированной культуре», т.е. характеристики образа жизни человека индустриального общества как такового, привело к созданию концепта «*одномерного человека*». Пафос одноименной работы представителя Франкфуртской (неомарксистской) школы Герберта Маркузе (“One-Dimensional Man”, 1964; “Der eindimensionale Mensch”, 1967) состоял в демонстрации завуалированного неототалитаризма западного – либерального – общества, которое негативно влияет на культуру и контролирует каждого индивида путём навязывания ему извне ложных «потребностей». «Борьбу с отчуждением» Маркузе мыслил в форме не экономических или политических изменений, а посредством так называемого «Великого Отказа» – изменения направления человеческих потребностей, обращения желаний и чувств к высокой духовности и гармонизации отношений с Природой, и его идеи сразу же оказались востребованными «новыми левыми».

А вот идеи известного харьковского экономиста профессора Е.Г. Либермана (1897–1981), высказанные в эпоху хрущёвской оттепели (и, так совпало, практически синхронно с выходом в свет в США «Одномерного человека» – двумя годами раньше, в 1962-м), думается, можно интерпретировать именно как направленные на уменьшение «меры отчуждения» в жизни советских тружеников того времени: предоставление предприятиям возможности самостоятельно хозяйствовать на принципах самоокупаемости и денежного стимулирования производства товаров и оплаты труда работников с помощью цены, прибыли, премий и кредита означало бы ослабление – при сохранении примата принципов планового ведения хозяйства – не просто тотальной власти государства (партийной номенклатуры) и над экономической жизнью страны, и жизнью каждого гражданина. Предоставление определённой меры свободы в распоряжении результатом (продуктом) труда означало бы и определённую меру неотчуждаемости такового, а значит, и меньшую отчуждаемость «сущностных сил» работников предприятия, и (возможно?) трансформацию искренней заинтересованности в результатах труда – в потребность в труде. Антропологический контекст, который просвечивает сквозь эти идеи (пусть и не оформленные как «онтология»), отличался от контекста тогдашней официальной экономической теории: «экономический человек» полагался Е.Г. Либерманом не как атомарный индивид-носитель рабочей силы, но как реальный (трудовой) коллектив – хозяйственная единица, как коллективный субъект, способный к действительному (а не «на бумаге») самоуправлению, – и преодоление отчуждения могло мыслиться буквально как осуществление коллективной воли участников процесса *обобществлённого труда*, как достижение поистине единого, общего для всех работающих (на предприятии), интереса. К сожалению, этот уникальный, родившийся в жизненном мире Евсея Григорьевича, контекст оказался слабым «буфером» между его экономическими идеями и реалиями тогдашней советской жизни: как известно, экономическое реформирование «по Либерману» («косыгинская реформа») сошло на нет уже в 1970 году.

Перестройка, антропологический контекст которой – признание «советского человека» и новой исторической общности – советского народа, преодолевшего классовые/национальные/культурные и проч. антагонизмы, главной движущей силой научно-технического, нравственного и проч. прогресса, могла бы стать возрождением идей (и реальности) хозрасчёта и «свободной» кооперации, но в силу утопичности теперь уже образа советского человека и неотрефлексированности соотношения новых экономических концептов – «ускорения» и собственно «перестройки» – привела к хаотизации жизни, распаду союзного государства и фактически смене типа собственности и всего экономического уклада. Удивительным образом, но первым «принципом перестройки» в передовице газеты «Правда» (05.04.1988) была названа «революционность мышления», а сам М.С. Горбачёв неоднократно подчёркивал, что «перестройка – это революция в умах…».

Здесь уместно вспомнить о классической западной контркультуре (конец 60-х – первая половина 70-х гг. XX в.), вполне серьёзно «обосновывающей» в своей концепции необходимость революции, которую «нужно начинать с революции сознания» и цель которой – «возвратить человеку его утраченную целостность» [см.: 12]. Один из центральных её лозунгов инверсирует положения о первичности экономического базиса, о главенстве экономической сферы в общественном бытии: «Культура повелевает экономической и политической машиной, а не наоборот» [там же]. В контркультуре весьма успешно было осмыслено «противостояние» трудовой и игровой деятельности (например, в работе представителя протестантской неоортодоксии Харвея Кокса, который, будучи профессором богословия Гарвардского университета, относил себя к «правому флангу новых левых» [см.: 13]). Лишённая «духа серьёзности» и обязательности, игра, как ценность контркультуры, рассматривалась как начало, способствующее раскрытию индивидуального Я и установлению взаимопонимания; один из принципов контркультуры заключается в отождествлении игры и жизни, как средстве преодоления «несовместимого с творческой деятельностью» *труда* в индустриальном обществе. По сути, антропологическими контекстами контркультурных идей были концепты «одномерного человека» и «человека играющего» (одноимённая работа Й. Хёйзинги "Homo Ludens", 1938, приобрела широкую известность в первые десятилетия после Второй мировой войны), а контркультурные эксперименты ведения хозяйства (т.н. *коммунитарное движение*) полвека назад выступали как альтернативное экономическое бытие, хотя теоретики контркультуры (Чарльз Рейч, Теодор Роззак), так же как и Герберт Маркузе, признанный «новыми левыми» своим идеологом, были далеки от намерения предложить нечто подобное не то чтобы экономической онтологии, но даже и экономической программе. Однако симптоматично, что в экономических изысканиях с 50-х гг. XX в. в статусе основополагающих, фундаментальных категорий стали появляться понятия («обмен», «выбор», «стратегия», «координация», «равновесие» и др.), которые можно подвести под более абстрактное понятие *игры* и/или соотнести с ним. «Львиная доля современных исследований в области теории отраслевых рынков, теории контрактов, макроэкономики, новой политической экономии, сравнительного институционального анализа, теории финансов и даже исследований экономической эволюции могут быть объединены под рубрикой теории игр», – пишет И.А. Болдырев [4, с. 106].

Во второй половине XX в. концептуально оформляются совокупности антропологических смыслов, характеризующих, на первый взгляд, противоположные грани онтологической укоренённости человека в экономическом бытии: «*человек управляющий*» (раскрытие и систематизация этих смыслов представлена в книге Н. Винера «Человеческое использование человеческих существ», 1950) и «*человек потребляющий*» (пожалуй, здесь самой известной работой является «Система вещей» Ж. Бодрийяра, 1968). Однако вряд ли стоит искать глубинное антропологическое противоречие между *потреблением* и *управлением*, поскольку они суть выражение единства эксцентричной «человеческой природы» (согласно классику немецкой философской антропологии Х. Плеснеру, человек есть «эксцентр» собственного созидания и творчества, поэтому человека нельзя «свести» к какому-либо одному антропологическому свойству как к «фундаменту» [14]) и потому выступают по отношению друг к другу как диалектические противоположности. Но если состоятся попытки проследить, сыграли/играют ли эти концепты – и для каких экономических теорий/моделей – роль антропологических контекстов, то, думается, эти попытки (например, со стороны изучающих историю экономических учений) могут быть весьма результативными.

Выводы. Понимание антропологических контекстов представляется мне достаточно важным условием для раскрытия эвристических возможностей (объясняющей силы и прогностического потенциала) любой экономической теории, поскольку таковые проявляются в зависимости от того, насколько данная система экономических взглядов и её онтологические основания адекватны современной ей совокупности антропологических смыслов, то есть насколько когерентны «экономические онтологии» и их антропологические контексты. Так, было бы целесообразным установить наличие/отсутствие контекстуальной связи тех «экономических онтологий», которые предложены экономической наукой постсоветского культурного пространства, с концептом «*человека парадоксального*», который социологически осмыслен в одноимённой работе Ж.Т. Тощенко, 2001 [15].

В целом же, надо полагать, выявление и определение концептуальной состоятельности антропологических контекстов «экономических онтологий», как «посредника» между их содержанием и реальными процессами экономической жизни, может оказаться полезным в оценках степени адекватности теоретических построений экономическому бытию и, следовательно, в предотвращении пагубного для экономической мысли *пренебрежения реальностью*.

Литература:

1. Леонтьева В.Н. Об «онтологических основаниях» экономических категорий. *Вчені записки Харківського інституту управління*. Харків, 2015. Вип. № 40. С. 46–57.
2. Бауэр Питер. Пренебрежение реальностью. URL: http://www.inliberty.ru/library/113-prenebrezhenie-realnostyu (дата обращения: 16.10.2014).
3. Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки. *Философия и общество.* 2015. № 1. С. 157–176.
4. Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации. *Вопросы экономики*, 2008. № 7. С. 100–111.
5. Мезенцев С.Д. Философские проблемы экономики : учебное пособие / С.Д. Мезенцев, В.В. Памятушева. Москва : МГСУ, 2015. URL: https://finlit.online/filosofiya-ekonomiki/struktura-filosofii-ekonomiki-56842.html (дата обращения: 20.10.2017).
6. Суббето А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. Статья третья. Экономическая онтология: экспликация категорий экономики и хозяйства. Экономическое бытие человека. *Проблемы новой политической экономии (Международный научно-методический журнал).* 2001. № 3. С. 17–20.
7. Стрижак Е.И. Онтологические и методологические основы направлений институциональной экономической теории. *JOURNAL OF INSTINUNIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*. Том 5. № 2. 2013. С. 48–63.
8. Фокин Н.И. Вначале было Слово. Статья «Онтология». URL: http://dictionary-economics.ru/word/Онтология (дата обращения: 10.10.2017).
9. Кошовец О.Б. Почему господствующая экономическая теория прозевала кризис: о роли онтологических барьеров. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-gospodstvuyuschaya-ekonomicheskaya-teoriya-prozevala-krizis-o-roli-ontologicheskih-bari-erov (дата обращения: 05.12.2019).
10. Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: осмысление категории. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-naseleniya-osmyslenie-kategorii (дата обращения: 05.11.2019).
11. Комаровская Н.В. Эволюция "Homo Economicus". URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-homo-economicus (дата обращения 05.12.2019).
12. Rozsak Th. The making of the Counter-Culture: Reflections on the technocratic: Society and its youthful opposition. London, 1969. 303 p.
13. Cox H. The feast of fools. A theoretical essay on festivity and fantasy. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. press, 1969. 204 p.
14. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Москва, 1993. 354 с.
15. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. Москва : Гардарики, 2001. 398 с.

Leontieva V. Anthropological contexts of "economic ontologies"

Summary. The article justifies the relevance of the study of anthropological contexts of economic views, primarily, "economic ontologies". It is shown that the economic being presented in the form of a set of theoretical models is always immersed in a certain anthropological context that often requires reconstruction: the economic life of society corresponds to the way a person with a certain level of education, certainty or uncertainty of their needs and expectations, with his own beliefs and opinions, knowledge and delusions, habits and skills, values and ideals, as well as with articulated representation of himself creates it – supports and develops or makes it primitive. By virtue of this, "behind" certain system of economic categories (or an economic model), or rather, like "between" such model and the reality of economic being, there is a certain, more or less conceptualized, representation of an "economic man" or in the broader sense, a "man of culture". The author proposes the definition of *anthropological contexts* of "economic ontologies": this is a combination of implicit and explicit, but always inscribed in a certain cultural field, anthropological meanings – the ideas of "human", "inherent in man" and "attributable to man", which are connected with each other and are existential by nature and in live human economic activity mediate a conscious subjective desire and objective reality (naturally determined, to which all research in economics is dedicated). The functional purpose of anthropological contexts is to be a kind of "buffer zone" between objective economic being as it is and that *vision of the economic world* that claims to be an economic ontology. As an example, the author outlines the anthropological contexts of some classical economic theories (Marxian political economy theory, the concept of economic reform of Y.G. Lieberman in 1965). The significance of identifying/reconstructing anthropological contexts to establish a degree of the relationship between economic theory and economic reality is determined. Understanding anthropological contexts and establishing their conceptual consistency is an important condition for revealing the heuristic possibilities of an economic theory – its explanatory power and prognostic potential, which are manifested depending on how much the given system of economic views and its ontological foundations are adequate to its contemporary set of anthropological meanings, that is, how coherent the "economic ontologies" and their anthropological contexts are.

Key words: human, reality, meaning, theory, economic being, anthropological contexts, economic ontology, labor, alienation, need.